

В то же время ЕСПЧ в деле «Ламбер и др. против Франции» пришел к решению об отсутствии нарушения ст. 2 ЕКПЧ и неприемлемости жалобы в части нарушения ст. 3 ЕКПЧ. Однако в данной ситуации решение об отсутствии нарушения ст. 2 ЕКПЧ заключалось в признании законным решения лечащего врача Винсента Ламбера о прерывании жизни последнего (п. 182 дела). Винсент Ламбер находился в хроническом вегетативном состоянии, соответственно, не мог прямо высказать свою волю о том, как бы он хотел распорядиться своим правом на жизнь и правом на достойное окончание жизни, в связи с чем заявителями по данному делу выступили его родственники (п. 10, 11).

Примечательным является совместное особое мнение судей по данному делу. В данном мнении судьи Хаджиев, Шикута, Цоцорин, де Гэтано и Грицко приходят к выводу о том, что ст. 2 и 3 ЕКПЧ являются «однонаправленными» и не влекут собой «негативного» толкования (п. 2 особого мнения). При этом судьи также сходятся в том, что в том случае, если бы Винсент Ламбер мог лично изъявить свою волю с аналогичным заявлением о прекращении собственной жизни ввиду нестерпимых страданий, Суд также не усмотрел бы нарушений ст. 2 и 3 Конвенции (п. 2 особого мнения).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не только в теоретической доктрине, но и в судебной практике отсутствует единство мнений о правомерности применения эвтаназии. Каждое решение ЕСПЧ зависит от конкретных обстоятельств дела, а также основывается на том, как именно стороны толкуют нормы ст. 2 и 3 и свои права в рамках указанных норм.

Дорина В. В.

«НАИЛУЧШИЙ» ИЛИ «ЗАКОННЫЙ» ИНТЕРЕС РЕБЕНКА?

Дорина Виктория Валерьевна, аспирант 2 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, v.dorina@psu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дейкало Е. А.

С начала XX в. общество все больше стало интересоваться положением детей, так как это наиболее уязвимая категория нуждается в особой охране и заботе, включая правовую защиту. Решающую роль в вопросе укрепления правовых гарантий по охране прав и учета интересов ребенка играет Конвенция о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция 1989 г.), базой которой является принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка закреплен в ч. 1 ст. 3 Конвенции, которая гласит, что «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Принцип наилучших интересов был закреплен еще до принятия Конвенции 1989 г. в таких актах, как

Декларация прав ребенка 1959 г., в ст. 5 в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., а также в региональных правовых актах, например, ст. 5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др., но ни один из перечисленных документов не дает исчерпывающего определения, что же вкладывается в понятие «интерес ребенка».

В Замечании общего порядка № 14 (далее – ЗОП) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания обеспечению его наилучших интересов, при правовом анализе п. 1 ст. 3 Конвенции 1989 г. принцип рассматривается как развивающаяся концепция, которая определяется как гибкая и адаптируемая. Гибкость концепции позволяет максимально учесть индивидуальные особенности ребенка и обстоятельства каждого конкретного случая. Однако гибкость концепции порождает и некоторую сложность ее применения. Субъективная оценка обстоятельств может вызывать злоупотребления со стороны государственных органов, родителей, специалистов. При этом, как и сама Конвенция, ЗОП Комитета по правам ребенка не дают определения понятию «наилучший интерес ребенка», однако указывают на необходимость действовать исходя из индивидуальности каждого конкретного случая, не ограничивая толкование этого понятия.

В свою очередь, в национальном законодательстве Республики Беларусь интересы ребенка охраняет прежде всего Конституция Республики Беларусь, законы и подзаконные акты, регламентирующие отдельные права ребенка. Правовым актом, непосредственно регламентирующим права детей, является Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка», который оперирует понятием «законный интерес». Однако, что законодатель вкладывает в это понятие не указано. Здесь следует отметить, что «законный интерес», это тот интерес, который закреплен в законе, охраняется им. В таком случае, если какой-либо интерес ребенка не закреплен на законодательном уровне и не является законным – это не означает, что он не может быть наилучшим интересом ребенка. Практика показывает, что законодательство не всегда успевает за стремительно развивающимися общественными отношениями. Права ребенка в разных областях также оказываются не защищенными в силу отсутствия правового регулирования того или иного вопроса. Кроме того, в принципе, национальное законодательство может быть не прогрессивным, не соответствующим международным стандартам и передовой практике.

Здесь уместно привести в пример активное использование сети Интернет, в первую очередь родителями, которые зачастую, невзирая на мнение ребенка, размещают информацию о нем в публичный доступ. Например, на законодательном уровне в Беларуси нет запрета на публикацию фотографий ребенка, информации о нем без его согласия, например, в социальных сетях, не установлен возраст такого согласия. Это, безусловно, может привести к нарушению его права на неприкосновенность частной жизни. Значительные

объемы данных о ребенке в сети могут не нарушать его «законный интерес» (исходя из действующего законодательства), но в таком случае не учитываются его эмоциональные и психологические потребности.

Можно сделать вывод, что международное право устанавливает минимальные стандарты защиты прав и интересов ребенка, не ограничивая их рамками, и рассматривает интерес ребенка шире национального права, определяя его как «наилучший», а не только «законный». Несмотря на отсутствие четкого определения, международные акты дают большую свободу для обеспечения наилучшего интереса ребенка, в отличие от национальных актов, оставляя правоприменителю волю в определении наилучших интересов ребенка, исходя из индивидуальности каждого конкретного случая. В свою очередь в законодательстве Республики Беларусь используемая конструкция «законный интерес» не всегда отвечает наилучшим интересам ребенка и является недостаточно гибкой.

Евдокимович М. А.
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА БИПАТРИДОВ

Евдокимович Мария Александровна, студентка 3 курса Международного университета «МИТСО», г. Минск, Беларусь, mariyaevdokimovich@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Макарова М. Ю.

Рост интеграционных процессов между государствами влечет за собой не только положительные аспекты, но и определенные сложности. Одним из последствий международных интеграционных процессов является бипатризм. Проблемные аспекты возникают при определении государства, которое будет осуществлять дипломатическую защиту лиц с двойным гражданством.

Государства по-разному подходят к проблеме двойного гражданства. Ряд государств (Великобритания, Ирландия, Испания, Франция) признают двойное гражданство и разрешают своим гражданам иметь гражданство другого государства. Другие государства допускают двойное гражданство или не требуют отказа от прежнего гражданства при приобретении нового. К таким государствам относятся Российская Федерация, Бельгия, Италия, Нидерланды, США, большинство европейских стран. Некоторые государства запрещают или не допускают двойного гражданства – Германия, Швеция.

Лицо, которое обладает множественным гражданством, рассматривается каждым из этих государств как обладающее только его гражданство. Это часто приводит к спорам между государствами, которые они стараются устранить путем заключения международных договоров о проблемах двойного гражданства. Эти договоры направлены на устранение последствий множественного гражданства: в связи с дипломатической защитой или воинской службой. Примером может быть Гаагская конвенция 1930 г., которая